

Источник: Ценципер М. Не оставляйте их одних / М. Ценципер // Семья и школа. — 1973. — № 6. — С. 44-45.

Не оставляйте их одних

В. Тендряков. Весенние перевертывши. Журнал «Новый мир» № 1 за 1973 год.

В. Тендряков написал новую повесть «Весенние перевертывши». Это хорошая, добрая, мастерски написанная повесть.

О чём она? О многом.

О старом-престаром жителе задачника: о зловредном пешеходе, педантично вышагивающим «из пункта А в пункт Б». О небывалом: оказывается, сегодня, рядом с нами, ходят себе по улице туфельками топ-топ постукивают, та самая — верьте не верьте — Наталья Гончарова, которая была когда-то женой поэта. Есть в повести очень серьезное: тринадцатилетний Дюшка Тягунов один на один со Вселенной — мальчишка так жадно, так пытливо в нее всматривается! Есть и страницы грозные: удар ножом — человек в человека. Есть и разное прочее: беззаботные лягушки, и кирпич в портфеле, и чайка, поигрывающая белым лепестком в синеве неба...

Перед нами рассказ о каком-то быстротечном миге из детской, бегом бегущей жизни. Жизни, что так нерасторжимо сплавлена с миром взрослых, с тысячью тысяч самых разнородных событий, крохотных и огромных, всех вместе и образующих взгляд человека на мир.

Всего-то полсотни страниц, и дней тоже взята самая малость, а половодов для размыщения предостаточно. Мне, читателью, хочется размышлять. О трудном и прекрасном мире, который вдруг взялся играть с Дюшкой в такие крутые, такие лихие «перевертывши», что у паренька дух захватило — от горя и счастья, ненависти и любви.

Первый перевертывш: Дюшка взял да влюбился.

Глянул мимоходом в «Сочинения» А. С. Пушкина и ахнул: Римка! Такие же курчавинки у висков, как у молодой красивой дамы на картинке: «Чистейшей прелести чистейший образец...» С курчавинок и пошло-полетело. Вчера еще будто бы нескладная, долговязая девчонка — похожа на красавицу Гончарову!

Дальше — больше. Наука, оказывается, допускает повторение с течением времени одной и той же комбинации атомов, а значит... значит, Римка Братенева — она и есть Наталья Гончарова! Дюшка обалдело счастлив.

О детской любви сказано-пересказано немало. Но каждый раз вечночная коллизия прочитывается словно заново. Именно так у Тендрякова: свой взгляд, свои краски, свои, нехоженные ходы. И еще — как бы сказать поточнее? — какой-то строгий мужской ракурс: нежность, но без умиления, серьезность, но с озорным юмором. Одни «атомы» чего стоят! Впрочем, такое надобно читать, а не пересказывать.

Я написал: детская любовь. Но кто знает, быть может, тут даже и не любовь еще, а только светлая и тревожная готовность к ней. Этого никто не скажет. И потом, правомерен ли ходкий эпитет «детская»? Позволительно ли «градуировать» любовь: детская, взрослая? И на этом основании к чувствам подростков относиться со снисходительной небрежностью: мол, пусть сначала драстут до двадцати или хотя бы до восемнадцати — в разных семьях ведется свой счет. Повесть, кстати, не грозится скорой свадьбой, да и Римка, как выяснилось уже на финише, к нашему герою вполне равнодушна, ее сердце занимает третий персонаж — Левка Гайзер. А этому Левке хоть бы что. «Он только книжки свои и любит», — печально роняет девочка, и прозрачная капелька нехотя ползет по румяной щеке. Слеза по другому. «Треугольник», которому тысячи лет.

Круто взял Тендряков? Не он: такова жизнь, таков зеленый, зыбкий, смятенный и жадный мир отрочества. Повесть напоминает взрослому читателю (педагог, я не могу миновать сентенции): будьте бережны и деликатны, памятуйте, что такие вот, совсем юные, страдают и радуются в нашу с вами полную «взрослую» меру. И если есть тут все же разница, то вот какая: в эти годы раны больнее, глубже, памятнее. И пустое, что смолоду заживляются они вроде бы быстренько. Сердце — не ушибленная коленка.

Итак, книга о первой мальчишеской любви?

Нет: это ее рефрен, ее крылья, ее внешние воды. Автор с порога, уже на самом старте, выводит Дюшку на орбиту, которой суждено стать главной. Добро и зло — какие они, в каком обличье ходят по белу свету, как соотносятся друг с другом, и, самое главное, где тут, Дюшка дорогой, твое место, каков ты, славный наш парень, на поверку делом? Такой вот «оселок»...

Противостояние добра злу — тоже не бог весть какая новая ситуация в литературе. Существенно и всегда актуально и значительно другое — характер позиции. Только

переживания в стороне — или в пекло, в драку, с кулаками? И еще вопрос вопросов: когда и с чего начинается бой маленького человека за правое дело? Иные родители не спешат форсировать события: нашто мал еще, круглый несмышленыш, да и что он может? А он, оказывает, может, пересилив липкий страх, кинуться в схватку с Санькой Ерахой.

Гроза всей улицы, Ераха придумывал странные и страшные игры: кто съест живого пескаря, кто «метче» трахнет живой лягушкой в меловой круг на стенке? И, торжествующе обводя своим совиным глазом ошалевших, испуганных, угодничавших ребят, Ераха «побеждал»: с хрустом уминал живого пескаря, в пятно слизи расплющивал трепещущих лягушек. Дюшка, когда удавалось, обходил его стороной, боялся. И вдруг:

— Не тронь человека!

Дюшка заступился за самого слабого из ребят, безответного, забытого Миньку. Но — больше всего — в первый, может быть, раз восстал он против собственного малодушия, против унижающей покорности злу и жестокости.

— Скотина! Палац! Плевал я на тебя.

И в самом деле: остервенело плунул в сторону оторопевшего Саньки, и яростно схватился за тяжелый кирпич, и бесстрашно позвал Миньку: «Пошли отсюда!» Но, увы, ушел один, Минька не осмелился, Санька все равно заставит его убить лягушку. «Дюшке хотелось плакать... но не от страха перед Санькой и уж не от жалости к Миньке — так ему и надо! — а от непонятного. Сегодня с ним что-то случилось.

Что?»

Опять перевертывш: «Откуда знать мальчишке, что вместе с любовью приходит и ненависть, вместе с неистовым желанием братства — горькое чувство одиночества».

Писатель показывает, как сложно и трудно тринадцатилетнему — наедине с самим собой, на улице и, увы-увы, дома. Разговор с отцом, как на разных языках:

— Санька убивать любит... лягуш.

— Лягуш?.. Черт знает что! Да мое-то какое дело до этого?

А Дюшка смутно чувствует, догадывается: в конце концов, не в кошках и не в лягушках дело, а в том, что Ераха любит мучить и убивать. И это страшное «любит» почему-то никого не пугает.

— Он и людей бы убивал, если б можно было.

— Ну знаешь!..

Остановимся.

Откуда, с чего ей быть — меже непонимания между отцом и сыном? Взрослый и умен, и зорок, и сына искренне любит, и характер у человека сильный, многое может поднять и поднимает старший Тягунов. Может быть, обычное: работа

секунды лишней не оставляет? Да, дел у отца невпроворот, забот горы и горы. Но нет! Тендряков не дает читателю легкого, рядом лежащего ответа.

«Ответов» в повести много. Тут и ласково-снисходительное, сверху вниз, отношение к подростку: был сын когда-то крохой, бестолковышем, таким и сегодня мнится — до серьезных ли с ним разговоров? Но вот и другое: небрежение какими-то очень нужными человеку нравственным категориям, забвение непреложных этических ценностей. Именно так и случилось с инженером Тягуновым: ушел с головой в работу, соорудил могучий кран, величие подспорье людям на лесоперевалочной базе, и живет — день за днем, день за днем — одним только этим работягой краном. Гордится: «Мое детище». Последний раз цветы жене подарил пятнадцать лет назад. Оправдывается:

— Мы вместе, Вера. Пятнадцать лет...

— А вместе ли, Федор?

Рядом, но — не вместе. Ни с сыном, ни с женой. И страшные Ерахины игры, и беды в знакомой семье Богатовых — мимо них, мимо них! Кран, и только кран — ему все разговоры, все мысли, все чувства!

И вдруг стряслось: Ерахас ножом пошел на Миньку. Дюшка оказался прав: дистанцию от расплющенных лягушек до человеческой крови можно отшагать одним махом.

Несчастье, случившееся в поселке Куделино, расставило ясные беспощадные акценты. Высок, очень высок узкий, вознесшийся над поселком «решетчатый штык крана», но неизмеримо выше горе и отчаяние маленького человека Дюшки. Два символических полюса! Книга убеждает: нельзя, нельзя их разъединять. Понимание приходит наконец и к Федору Тягунову. «Он сейчас как-то присмирел, не расхаживал по комнате, не пинал стулья, сидел напротив Дюшки, приглядывался к нему с непривычным вниманием.

— Ты говорил: Санька лягуш убивал? — спросил он.

— Лягуш убивал, кошечку мучил.

— Зачем?

Зачем? Раньше и вопроса не возникало — теперь человек думает о том, что еще совсем недавно волновало только сына. Теперь и горе в семье Богатовых замечено, и добрая помощь ей готова со стороны сильного и по натуре, безусловно доброго Федора Тягунова. Он и для жены — в страшную для нее ночь, когда билась женщина за жизнь Миньки, — он для нее умчался за добрую сотню километров: порадовать букетиком нарциссов.

Так Дюшка обретает взрослого друга — отца, который — хочется верить — будет отныне деятельно сопричастен ко всем нелегким перевертышам его жизни, к сложным нравственным и этическим проблемам.

Новая повесть талантливого писателя лишний раз напоминает, как бесконечно нужно нашим детям не только сильное плечо старшего, но и его сердце тоже.

М. Ценципер,
директор 437-й школы Москвы,
кандидат педагогических наук

Несколько книг на лето

В этой книге — запах талого снега и шум летнего дождя, удары осеннего ветра и хруст подмерзших дорог. В ней — пение скворца: «Я не знаю, право, есть ли у скворца свои собственные мотивы, но вы наслушаешься в его песне чего угодно чужого. Тут и кусочки соловьиных трелей, и резкое мяуканье иволги, и сладкий голосок малиновки, и музыкальное лепетанье пеночки, и тонкий свист синички, и среди этих мелодий вдруг раздаются такие звуки, что сидя в одиночестве, не удержишься и рассмеешься: закудахчет на дереве курица, зашипит нож точильщика, заскрипит дверь, загнуится детская военная труба. И, сделав это неожиданное музыкальное отступление, скворец как ни в чем не бывало, без передышки, продолжает свою веселую, милюю юмористическую песенку...»

Называется книга «В березовой роще». Здесь собраны рассказы и отрывки из повестей Тургенева, Пришвина, Л. Толстого, Паустовского — тех русских писателей, чьи книги красотой своей и естественностью будто бы продолжают красоту и обаяние родной природы.

Немало интересного для школьников вышло в издательстве «Детская литература» в 1972 году. Здесь и русская классика, и книги зарубежных писателей, и сказки, и повести о животных. О некоторых книгах, различных по тематике, настроению, жанру, и пойдет у нас разговор.

Несколько лет назад появилась книга «История Карронги-эм» — прекрасная сказка о бесстрашном страусе по имени Карронги. Написал эту поэтичную и увлекательную сказку Лесли Ринс — современный австрийский писатель. Сейчас вышла еще одна книга о животных Австралии — «Про коалу Ушастика, утконоса Тихоню и других». «История Карронги-эм» тоже вошла сюда.

Лесли Ринс сочетает в себе талант писателя и знания ученого. Поэтому, читая книгу, ребята не только побывают и смешного безобидного Ушастика, и красавицу Тихоню, и мужественную морскую черепаху Сарли, и смелого страуса Карронги, на долю которых выпали тяжкие испытания — лесной пожар, наводнение,

неволя, но и узнают многое об образе жизни, повадках, характере этих обитателей Австралии.

Вот как рассказывается в книге о Тихоне, которая учится нырять: «Тихоня первая достигла дна. Она чувствовала, что все оно усеяно большими и мелкими камешками, прелыми листьями, водорослями, а над ними медленно струится вода. Плотно зажмутив глаза, она начала тыкаться клювом в мягкое дно. Ее упругий, словно резиновый, клюв не хуже, чем глаза, рассказывал ей обо всем, к чему прикасался... А ну, что это? Клюв раскрылся и тут же с хлопком сомкнулся. Так, чепуха! Всего-навсего пустой орех... А это? Тоже что-то несъедобное... Она зарылась клювом в мягкий ил и стала усиленно двигать перепончатыми лапками, чтобы удержаться под водой. Ведь ее наполненное воздухом тело так и норовило выскочить на поверхность. Снова и снова погружала она в липкую тину свой клюв. Хлоп! Ага, на этот раз удачно: попался длинный сочный червяк...»

С пытливыми, деятельными деревенскими ребятами, которым до всего дознаться надо, знакомят сборник рассказов замечательного советского писателя Андрея Платонова, изданный для детей под названием «Июльская гроза».

Мир для этих ребят полон загадок. И кажется, вот-вот тайна раскроется и все сразу понятным станет.

Скучно Никите (*«Никита»*). Воробы, пауки, муhi ему уже надоели: их знал Никита. «Он хотел теперь узнать то, чего не знал». Вот пустая бочка в сарае. В ней непременно кто-то должен жить. И Никита сразу представляет маленького человека с длинной бородой. А солнце напомнило умершего дедушку, который был ласков к нему.

И в старом колодце, думал Никита, живут маленькие водяные люди — толстые, безволосые, мокрые. А пень за сараem — не пень вовсе. У пня рот большой и «сумрачное нелюдимое лицо».

Пятилетний Афоня (*«Цветок на земле»*) требует от деда: «Ты скажи мне про все!»

«Ты кто? Чем ты мне говоришь?» — спрашивает малолетний Егор у ветра, жука, червяка (*«Железная струха»*). «Ты кто? Отчего ты живешь? Хорошо тебе или нет?» Егор даже «спать не любил, он любил жить без перерыва, чтобы видеть все, что живет без него, и жалел, что ночью надо закрывать глаза, и звезды тогда горят на небе одни, без его участия».

И маленькому Антошке (*«Июльская гроза»*), и Мите (*«Сухой хлеб»*) трудно, просто невозможно представить себе, как могло что-то быть на свете прежде, чем появились они — Митя и Антошка.

«...Что же эти предметы делали без него? Он думал, что они, на-